

Быкова Екатерина Александровна,
Муллонен Ирма Ивановна
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск

КВАЛИТАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ОСТРОВНОЙ ТОПОНИМИИ КАРЕЛИИ¹

Проблема механизмов и принципов номинации – одна из центральных в ономастике. Со времен Лейбница считалось, что топонимы восходят к соответствующим апеллятивам. Однако постепенно приходило осознание того, что у апеллятива и онима разное предназначение, а в языке существует явное стремление к размежеванию апеллятивного и онимического. Оказалось, что топонимы образуются и функционируют в рамках определенной системы, по моделям, образцам, которые продуктивны на данной территории в данное время. Мода на модель обусловлена целым рядом обстоятельств, в том числе уровнем общественного развития, ландшафтно-географическими особенностями территории, языковыми факторами и т. д. Понимание того, что конкретный акт номинации опосредован представлением носителя топонимической системы о том, каким должно быть название, какое содержание скрывается за конкретной топоосновой, исключительно важно для этимологии – конечного результата топонимических изысканий.

Данный материал подготовлен в рамках проекта РГНФ «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте», который направлен на развитие теории ономастической номинации. Анализируются т.н. качественные топоосновы, входящие в число типовых и характеризующие размер, форму и относительное местоположение названного объекта – озера (озерного залива, мыса или острова). Выбор их обусловлен массовостью этих групп топонимов, а также возможностью проверить топонимическую информацию картографической – обликом (размер, форма, взаимное расположение и т.д.) названных объектов на топографических картах, что является критерием надежности анализа. Выявляется набор топооснов, в том числе метафорических, использующихся в прибалтийско-финской и русской топонимии для характеристики формы и размера объектов, проводится их сопоставительный анализ с выявлением универсального и дифференцирующего в наборе топооснов, мотивах называния, в образной системе. Основным источником материала для анализа – ГИС «Топонимия Карелия», а также Научная картотека топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН.

В силу особенностей ландшафта топонимическая система Карелии включает множество наименований островов. Последние в большинстве случаев невелики по размерам, и поэтому их форма просматривается, осознается носителями топонимической системы и используется ими в процессе номинации. Такие островные названия как *Pitkäsuari* 'Длинный остров', *Kantasuari* (*kanta* 'каблук' – островок с выступом), *Viäräsuari*, *Koverasuari* (*viärä* и *kovera* 'кривой') и др. нередки на озерах Карелии. Видимо, маленький размер провоцирует рождение многочисленных образных, метафорических топонимов, ср. в Ладожском озере *Riehtiläsaari* (*riehtilä* 'сковорода'), *Tenkasaari* (*tenka* из рус. деньга, т.е. маленький и круглый как монета), *Veitsisaari* (*veitsi* 'нож'), *Kattilasaari* (*kattila* 'котел'), *Kannelsaari* (*kannel* 'кантеле') и др.

Наше внимание привлеч островной топоним *Kokkosaari*, *Kokkosuari*, *Kokoisuari*, *Kokonsuari*, *Кокостров*, нередкий в Карелии и на соседней финляндской территории. Лексема *kokko* (фин., соб.-кар.), *koiko* (ливв., люд.) многозначна и включает целый спектр значений, каждое из которых может в принципе выступать в качестве топоосновы: 1) костер, осо-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ 14-04-00243а «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте».

бенно тот, который жгут в ночь на Иванов день; 2) специальное сооружение из сучковатых стволов для сушки гороха и бобов; 3) маленький, продолговатой формы хлебец с начинкой из каши, который входил обычно в будничный рацион (популярен в устойчивых выражениях, в том числе *viägräiä kokoi* 'кривой, с загнутыми концами хлебец'); 4) в ливвиковских и людиковских говорах слово бытует и в значении 'кукиш' [KKS, SMS]. Кроме того, в собственно карельском языковом ареале известен омоним *kokko* 'орел', также востребованный в топонимии. Какое же из обозначенных здесь значений закрепилось в островных топонимах? Чтобы ответить на это вопрос, следует для начала сопоставить топонимный ареал с лексическим. Оказывается, в одних случаях лексический ареал уже топонимического (кукиш, сооружение для сушки гороха, орел), в других, наоборот, шире топонимического (костер). А вот в случае семантики 'хлебец' происходит довольно последовательное наложение, совпадение лексического и топонимического ареалов – Карелия и восточная Финляндия. Это обстоятельство заставляет присмотреться к данной связке внимательнее, тем более что обращение к топографическим картам позволяет наметить еще одну показательную деталь. В картотеке топонимов Карелии представлено около двух десятков островных наименований *Kokkosuuri*, *Kokoisuuri*, *Kokonsuuri*, *Кокостров*, в картографическом интернет-ресурсе *kansalaisen.karttapaikka.fi*, на котором выложены топографические карты Финляндии, островов с названием *Kokkosaari* более 60, *Kokonsaari* – свыше десятка. При этом по форме они схожи: речь идет о маленьких продолговатых островах, нередко с заостренным кривым концом (концами) – как тут не вспомнить карельское устойчивое словосочетание *viägräiä kokoi*. Такая характеристика позволяет предполагать метафорический характер топоосновы, создатели топонима использовали образ традиционного для их культуры небольшого хлебца для характеристики формы острова. Возможно, актуализирована также такая особенность хлебца, как утолщение от начинки посередине: насколько позволяет судить отмеченный на топографических картах рельеф, острова, в названиях которых присутствует топооснова *Kokko-*, *Kokoi-*, нередко отличает возвышенный характер центральной части острова и пологие склоны от центра острова к побережьям. В данном контексте показательны и то, что выявленная топооснова вписывается в ряд других, выраженных лексемами, обозначающими разного рода традиционную выпечку, при этом активизирован мотив формы острова, ср. в Приладожье *Rieskasaari* (*rieska* 'пресный пирог'), *Piirakkasaari* (*piirakka* 'пирог'), *Kakkarasaari* (*kakkara* 'блин'), *Pyöräkkösaari* (*pyöräkkö* 'колобок'). Естественно, что, будучи представленной в карельских и восточно-финских говорах, лексема получила здесь же и топонимическое бытование. Впрочем, топонимический ареал несколько шире собственно языкового, что может свидетельствовать о более широком представительстве карельского языкового элемента как на западе, так и на востоке от современного ареала. Так, на длинном узком острове с названием *Кокостров* располагается исторический центр большого села Шуньга в русском Заонежье, свидетельствуя о карельской странице в истории этой территории. Здесь же, в Заонежье, известны остров *Кокостров* или *Коккой* в Уницкой губе, остров *Кокуй* в Вегоруксе, по форме идентичные шуньгскому Кокострову. На этом фоне заметно отсутствие данной модели в Пудожье, что, видимо, связано с более слабым карельским представительством здесь, чем в Заонежье. Пудожье исторически входило в зону вепсских интересов, и отсутствие здесь данной топоосновы согласуется с ее отсутствием и на собственно вепсской территории.

Помимо островных названий, топооснова *Kokko-* довольно широко бытует и в наименованиях других объектов – небольших озер (ламб), озерных заливов и мысов, а также возвышенностей. Предварительный анализ свидетельствует о том, что в озерных наименованиях в качестве мотива номинации также нередко использована форма небольших озер, при этом помимо семантики 'хлебец' в южной Карелии возможно также значение 'кукиш' (для округлых ламб, имеющих хорошо выделяющийся длинный узкий залив). В то же время в наименованиях гор (*Kokkovuara*, *Kokkovuori*, *Kokkomägi*; *Kokkoselgy*) воплощена, видимо, другая семантика 'орел' (ср., к примеру, в южном Заонежье гора *Орловец* [Муллонен, 2013, с. 43, 134] – возможно, калькированный топоним), а также 'костер'. Характерно, что их ареал явно отличается от ареала, который формируют названия островов, покрывая, к примеру,

всю территорию Финляндии, в то время как островная модель представлена практически исключительно на востоке территории (по материалам ресурса *kansalaisen.karttapaikka.fi*). За разными ареалами явно стоит разное содержание.

Пример рассмотренной топонимной модели свидетельствует о роли формульности в топонимии. Понимание и учет принципа модельности важны для установления истинности топонимической этимологии и в целом для понимания такого феномена как топоним.

Литература

Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Свод топонимов Заонежья / Под ред. А. С. Герда. Петрозаводск, 2013.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. Toinen osa. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, 2. Helsinki, 1974.

SMS – Suomen murteiden sanakirja. Seitsemäs osa. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 36. Helsinki, 2003.

Гайдамашко Роман Валентинович

*Институт лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург*

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ФИННО-УГОРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИКАМЬЯ: К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ¹

В докладе представлен ареально-этимологический анализ метеорологической лексики финно-угорского происхождения, в разные годы отмеченной в русских говорах Прикамья. Цель исследования – на основе словарных материалов отразить ареалы и разработать этимологию метеорологической лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Прикамья, а также её вариантов и дериватов. Результаты исследования позволят оценить уровень деривационной активности подобной лексики и наметить возможные пути этимологических поисков лексики с учётом финно-угорского субстратного влияния. Для ряда лексем предлагается новая этимология или уточняется существующая.

Неоспоримо, что основой для формирования русских говоров Верхнего и Среднего Прикамья послужили различные говоры севернорусского наречия. За наиболее подробным исследованием данного вопроса отсылаем к трудам Е. Н. Поляковой, в частности, см. [Полякова 2006; Полякова 2009] и, особо, на материале антропонимии [Полякова 2010]. Кроме прочего, в русских говорах Прикамья обнаруживается пласт метеорологической лексики финно-угорского происхождения, присущей большинству говоров севернорусского наречия.

Как правило, такая лексика имеет наиболее значительное внутри рассматриваемой тематической группы число дериватов как в русских говорах Прикамья, так и в говорах севернорусского наречия. Например, при повсеместно распространённом в Прикамье и традиционно возводимом этимологами (Р. Мекеляйн, Я. Калима, М. Фасмер, А. К. Матвеев, А. Е. Аникин) к коми языку слове *быгать* ‘сохнуть, выцветать на солнце, ветре, морозе’ в различных источниках по русским говорам Прикамья нами выявлено более 30 словообразовательных дериватов. По материалам словарей [СРНГ; СГРС], высокую степень деривационной активности эта лексема обнаруживает и в говорах севернорусского наречия, что крайне затрудняет выделение у неё центрального ареала. Подобной характеристикой обладают лексические гнезда, сформировавшиеся вокруг слов *ку́хта* ‘снег, иней на ветвях деревьев’, *хи́уз* ‘холодный ветер; сквозняк’, *ча́ро́м* ‘наст’, *чит* ‘тонкая ледяная корка на ветвях деревьев’ и др.

Некоторой метеорологической лексике, распространённой в говорах Русского Севера, свойственна богатая фонетическая вариативность. Так, лексему *кидь* ‘свежевыпавший глущо-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-34-01279(а2).